

И.В. КАТЕРНЫЙ

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КРИЗИСА В СОЦИОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yarkus@mail.ru).

Аннотация. В статье поднимается вопрос о том, что такое кризис с точки зрения классической и современной социологии, разрабатываются элементы концепции кризисной социальности на основе теорий лиминальности и морфогенетического подхода. Выделяются три этапа эволюции в концептуализации социальной онтологии кризиса как дестабилизирующих явлений на макро- и мезоуровнях. Обосновывается формирование паттерна современного развития в виде интеркризисной структуры перманентно-лиминального типа. В рамках такой модели выделяются ядерные и периферийные кризисные явления, анализируются трансгрессивные признаки институциональной лиминальности и копинг-структура жизненных миров. Обсуждается переход к BANI-миру и распространение YOLO-экономики. Историческим фундаментом формирования кризисной социальности видится природа модернизации, в рамках которой неизбежный дисбаланс морфогенетических и морфостатических элементов развития ведет к системным кризисам и лиминализации общества.

Ключевые слова: кризис • копинг • BANI-мир • YOLO-экономика • модернизация • лиминальность • морфогенез • морфостазис

DOI: 10.31857/S013216250028301-4

Турбулентность структурных изменений последних лет, особенно начиная с пандемии COVID-19, порождает новый виток дискурса кризисных эпох и спекуляций политического, экономического и социологического характера [Global Discourse..., 2022; Fassin, Nonneth, 2022; Коленикова, 2023; Как россияне справляются..., 2023]. В России изучают проблемы социального кризиса более тридцати лет. Масштаб и глубина происходящих сегодня трансформаций сопоставимы с тем, что происходило в нашей стране в 1990-е гг. Особенностью текущего момента можно считать наложение конкретно-исторического и универсалистского содержания кризисных социальных тенденций.

Мы попробуем показать, что традиционное концептуальное понимание кризиса как социального антипорядка требует существенного переосмысления. Для этого сначала выделим три концептуальных этапа в развитии научных представлений о кризисе.

Эволюция концепции кризиса в социальных науках. Понятие «кризиса» (древнегреч. – поворотный пункт) пришло в общественные науки из медицины и драматургии. В обеих сферах это положение вещей, при котором неизбежна решительная перемена в течении болезни либо в театральном представлении. Основных элементов кризисов три: а) они имеют острый и непродолжительный характер (по сравнению с последствиями), б) сопровождаются ситуацией неопределенности в) и заканчиваются «развязкой», новой стабилизацией.

Утвердилось представление о циклическом (пульсирующем) характере социальной эволюции: упорядоченные явления и процессы сменяются периодами напряжения, разрушения и бифуркации, заканчивающиеся новым социальным порядком. Начиная с К. Маркса, такое представление легло в основу разработки теории экономических циклов, где кризисы трактуются как закономерный элемент развития капиталистического (модерного)

общества. Дюркгейм, развивая теорию аномии, также приходит к пониманию, что кризисы (особенно банкротства) становятся хроническим явлением именно в коммерческом и промышленном мире, где «кризис и состояние аномии суть явления не только постоянные, но, можно даже сказать, нормальные» [Дюркгейм, 2018: 273]. Н.Д. Кондратьев рассматривал войны и революции внутри больших циклов конъюнктуры не как antecedentes («исходные») силы хозяйственного развития, но как закономерные форму и функцию этого развития перед внедрением новых, более прогрессивных экономических факторов [Кондратьев, 2002: 383]. П. Сорокин указывает, что чередование «бурных кризисов и полного покоя» естественно для общества. Он приходит к выводу, что «социальные бури» в истории происходят гораздо чаще, чем мы привыкли думать, но в любом случае «система должна превратиться в устойчивую и кристаллизовавшуюся» [Сорокин, 2006: 723–762]. Кризисы, таким образом, трактуются классиками как отклонения от нормативных («стабильных») состояний социальных систем, но в то же время рассматриваются как норма – последствия естественного исторического процесса и модернизации общества.

В 1970-е гг. понятие кризиса стало приобретать новое эпистемологическое значение для анализа ситуаций больших технологических аварий и неопределенностей. Авария на химзаводе во Фликсборо (1974), химическая катастрофа в Севезо (1976), крушение нефтяного танкера «Амоко Кадис» и образование крупнейшего нефтяного разлива (1978), авария на АЭС Три-Майл-Айленд (1979) и др. способствовали разработке стратегий управления в «кризисных ситуациях», особенностью которых является возникновение неожиданных, неизвестных ранее и причиняющих большой ущерб проблем на «среднем» уровне общественной жизни [Dynes, Quarantelli, 1977]. Подобные кризисы разрушают привычные рамки принятия решений и создают качественную неопределенность.

В 1980-е гг. «кризисный дискурс» становится глобальным по охвату и содержанию. При этом подчеркивается *структурная несводимость*: аварии и катастрофы могут приводить к кризисам, но сами кризисы могут возникать без них. Отличительной чертой кризисных последствий является качественное разрастание институциональных акторов, разрушение конвенциональных институциональных границ [Dobry, 1985]. Британский социолог Р. Холтон описывал ситуацию в западном научном сообществе как одержимость кризисом [Holton, 1987: 502]. Голод в Африке, войны на Ближнем и Среднем Востоке, эпидемия СПИДа, рост преступности и массовая безработица в странах Запада – все это разрушало лелеемую с начала эпохи Просвещения идею прогресса и утопию исторического развития от худшего к лучшему миру. В эти же годы, когда социологи еще не заговорили о глобализации, Дж. Арриги, И. Валлерстайн и другие пишут о «динамике глобального кризиса» капитализма с позиций мир-системного анализа [Amin et al., 1982]. П. Штомпка делает вывод о «кризисе кризисного сознания», бессилии, фрустрации и моральной индифферентности (западного) общества к вопросам решения глобальных проблем [Sztompka, 1984: 45–58]. Эти тенденции становятся основанием признания *тотальности* кризисного состояния.

С тех пор ситуация с кризисами изменилась в худшую сторону, создав новые угрозы человечеству. Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш, выступая на Генассамблее в начале 2020 г., выделил четыре глобальных кризиса современности, сравнив их со всадниками апокалипсиса: геополитические конфликты, экзистенциальный климатический кризис, рост глобального недоверия и несправедливости, неконтролируемый прогресс цифровых технологий¹. Чуть позднее он добавил «чумного» всадника пандемии COVID-19. После начала вооруженного конфликта на Украине ООН успела выпустить несколько докладов Целевой группы по реагированию на глобальный кризис в области продовольствия, энергетики и финансов [Global Impact, 2022]. Если добавить сюда демографические,

¹ Guterres A. Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020 // UN Secretary-General's Speeches. 2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 17.03. 2020).

миграционные, ресурсные, информационные проблемы, мы увидим, что сегодня нет глобальной структурной сферы, где нельзя было бы найти кризисные тенденции.

В 2000-х гг. становится ясно, что социетальные кризисы имеют тенденцию не только к количественному нарастанию т.н. транзитивных (краткосрочных) форм с возможностью (быстрого) восстановления, но и к укреплению *перманентных* кризисных процессов. Кризис теперь определяется как «событие, которое может вызвать серьезные пагубные изменения в социальной системе и в котором отсутствует пропорциональность между причиной и следствием» [Walby, 2015: 14]. Как указывают авторы доклада [Как россияне справляются..., 2023], начавшиеся в 1992 г. реформы породили перманентный кризис с долгосрочными и фундаментальными последствиями для всего социально-экономического устройства страны; нынешний кризис, начавшийся в 2014 г., можно считать его новой формой. В 2022 г. американский словарь английского языка Collins признал «permacrisis» (перманентный кризис) словом года, характеризуя это состояние как «длительный период нестабильности и небезопасности»².

Идея перманентности кризисного состояния общества нашла отражение и в области менеджмента и стратегического лидерства, где набирает популярность новый акроним описания формулы глобальной реальности. В 2020 г. американский футуролог Ж. Кашио в качестве замены существовавшему с конца 1980-х гг. акрониму VUCA³ предложил свой вариант – BANI, призванный более релевантно описывать мир во время и после пандемии: произошел «фазовый переход», и прошлая нестабильность (volatility) мира стала «хрупкостью» (brittle), неопределенность (uncertainty) тревожностью (anxious), сложность (complexity) нелинейностью (non-linear), двойственность (ambiguity) непостижимостью (incomprehensible)⁴. Несмотря на признаваемую автором интуитивность и даже вторичность используемых категорий, это не помешало сделать концепцию «BANI-мира» эмблемой постковидного менеджмента и управления по всему миру. Формула BANI усугубляет кризисный нарратив эпохи VUCA, предлагая дерационализированный и постгуманизированный образ мира, неподвластный человеческим разуму и воле.

С теоретической точки зрения это говорит о том, что противопоставление кризиса и порядка как дизъюнкции онтологических возможностей («то или другое») становится не валидным. «Новый катастрофизм» в изучении сложных социальных систем, выраженный в доминировании дискурса о «рисках» (У. Бек и др.), «травмах» (Дж. Александер и др.), «нормальных авариях» (Ч. Перроу), «нормальной аномии» (С.А. Кравченко), использует идею кризиса как структурной формы самого порядка, делая теорию *кризисной социальности* наиболее релевантным и эффективным типом генерализации. Однако парадигматизация концептов *нормальности*, *тотальности* и *перманентности* современных кризисных явлений, выделенных нами в рамках трех этапов эволюции теории кризиса, уже недостаточна для понимания структурных свойств протекающих в мире процессов. Социологический анализ требует прояснения паттернов функционирования институциональных систем и поведенческих стратегий выживания как факторов формирования кризисного порядка.

Структурный анализ кризисной социальности. Новое понимание структурной конфликации кризиса и порядка требует, на наш взгляд, задействования концептуального арсенала теории лиминальности (В. Тернер) и морфогенетического подхода (М. Арчер).

² The Collins Word of the Year 2022. URL: <https://www.collinsdictionary.com/woty> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Акроним VUCA (от англ. volatile, uncertain, complex, ambiguous – нестабильный, неопределенный, сложный, двойственный) появился в учебных документах Американского военного колледжа в 1987 г. для характеристики военной и геополитической реальности конца эпохи холодной войны.

⁴ Cascio J. Facing the Age of Chaos. 2020 // Medium. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 01.08.2023).

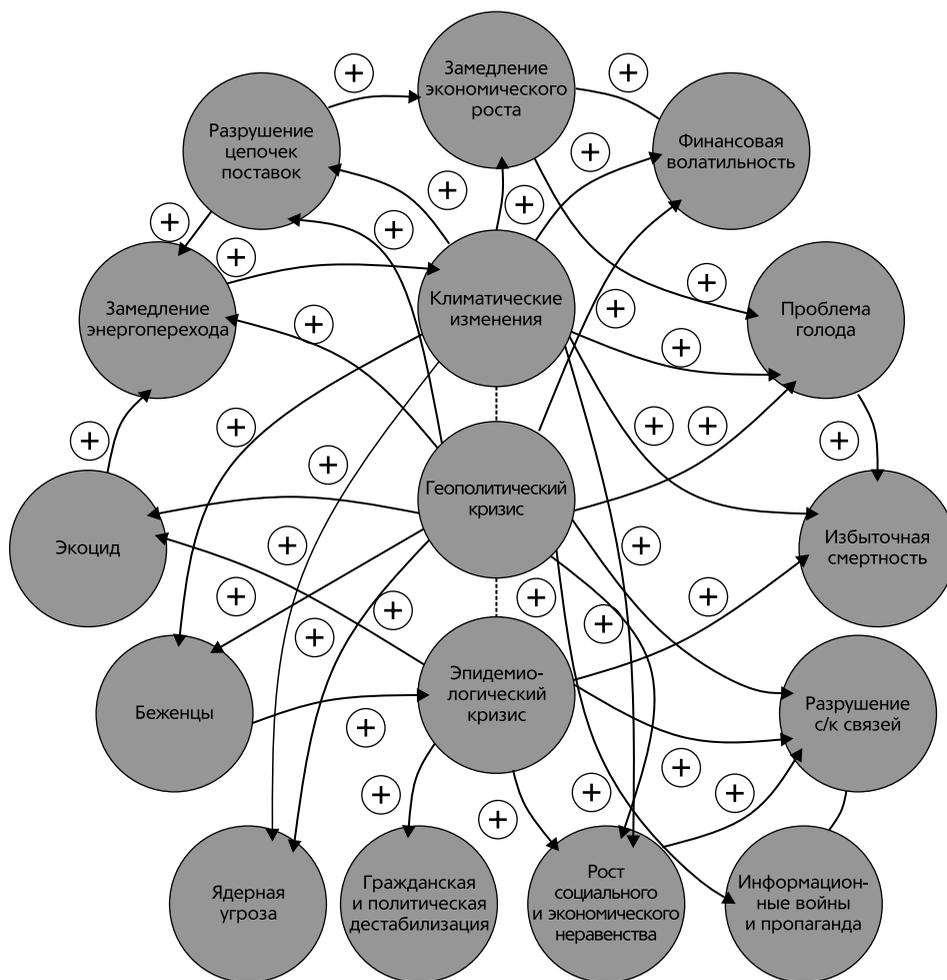

Рис. Когнитивная карта интеркризисной структуры современного глобального общества с графами усиления причинно-следственных связей между его ядром и сопутствующими кризисными явлениями

В этом смысле современное общество можно описать как *интеркризисную структуру перманентно-лиминального типа*⁵.

Диагностика этого паттерна показывает, что аналитически он представляет собой типичную слабоструктурированную когнитивную систему, которая отличается сложностью, информационной недостаточностью и неопределенностью целей развития. Его моделирование возможно только в форме эксперт-фундированной когнитивной карты, представленной на рис.

Карта эксплицирует наиболее влиятельные каузальные связи *тройного ядра* сложившейся интеркризисной структуры конца 2022 – начала 2023 г. и сопутствующих кризисных

⁵ Понимание «перманентной лиминальности» отсылает к социально-антропологическим исследованиям В. Тернером социальных групп американского общества 1950–1960-х гг. («дети цветов», «битники»), которые амбивалентно сочетали внутреннюю устойчивость общины и статусную «неопределенность», «переходность», т.е. лиминальность в буквальном смысле образа жизни [Тернер, 1983: 196–256].

тенденций, выявленных на основе анализа экспертных публикаций⁶. Ядро интеркризисной структуры сформировано вокруг глобальных кризисных явлений, вызывающих риски экзистенциальной безопасности для человечества, ставя под угрозу благополучие, здоровье и жизнь людей: 1) ускоряющиеся климатические изменения формируют паттерн эскалирующего кризиса, меняющего среду обитания человека с рисками вымирания всего живого на планете [IPCC, 2021]; 2) импульсивный геополитический кризис, вызванный прежде всего острым вооруженным конфликтом России и Украины и несущий угрозу мировой стратегической стабильности; 3) эпидемиологический кризис, начавшийся с пандемии COVID-19 и к 2022 г. унесший как минимум 15 млн жизней (без учета Африки)⁷, а для перенесших заражения имеющий хвост соматических и когнитивных расстройств [Dennis, 2021], а также побочные эффекты «долгого ковида», неизбежные будущие вспышки эпидемий и пандемий неизученных зоонозов с не менее тяжелыми последствиями для мира⁸ [Блохин, 2020]. Характер пандемии COVID-19 позволяет квалифицировать ее проявление как пример слабоуправляемой природы рекуррентного «зомби-кризиса»⁹.

Несмотря на специфику интеркризисного ядра, одной из основных особенностей выявленных связей становится общий для них эффект Гулливера, т.е. рост неуправляемых кумулятивных последствий, вызывающих избыточное ресурсное напряжение институциональных систем, травматическую колонизацию жизненных миров и разрастание общества кризисных акторов (институциональных, организационных и индивидуальных), задействованных в дальнейшей дестабилизации или разрешении ситуации. Происходит укрепление кризисной социальности как особого порядка лиминального типа.

В предыдущих работах мы указывали, что лиминальность может обретать разные агентные и структурные формы в обществе, всегда обладая кардинальным и экстраординарным характером [Катерный, 2020]. Описание некоторых социетальных явлений общественной жизни как лиминальных сложилось в социологии благодаря сотрудничеству В. Тернера и Ш. Эйзенштадта в начале 1980-х гг. в рамках т.н. Иерусалимского семинара, что дало толчок последующему изучению революций и динамики цивилизационного развития как лиминальных процессов [Eisenstadt, 1985]. А. Сакольцаи концептуализировал «перманентную лиминальность» как фундаментальную характеристику проявлений современности – от большевизма в России до развития Америки как отдельного цивилизационного проекта [Szakolczai, 1998: 207–217]. На социетальном уровне перманентная лиминальность – длительное состояние незавершенной или принципиально незавершаемой переходности, нестабильности общества, в рамках которой формируется собственная система лиминальных институтов с характерными трансгрессивными признаками, выходящими за рамки конвенциональной нормативности и проявляющимися в гибридизации правовой легальности и нелегальности, моральной легитимности и нелегитимности, где

⁶ См.: Георгиева К., Гопинат Г., Пазарбашолу Ч. Почему мы обязаны противостоять геоэкономической фрагментации, и как это делать // IMF Blog, 22 мая 2022. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2022/05/22/blog-why-we-must-resist-geo-economic-fragmentation> (дата обращения: 07.08.2022). А также: [Campbell, Hribernik, 2020; Арбатов, 2022; и др.].

⁷ В 2020 и 2021 гг. с пандемией COVID-19 были связаны 14,9 миллиона избыточных летальных исходов // Всемирная организация здравоохранения. Пресс-релиз 05 мая 2022 г. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2022-14.9-million-excess-deaths-were-associated-with-the-covid-19-pandemic-in-2020-and-2021> (дата обращения: 15.09.2022).

⁸ Предотвращение следующей пандемии: зоонозные заболевания – как разомкнуть эпидемиологическую цепь. Найроби: Программа ООН по окружающей среде и Международный научно-исследовательский институт животноводства, 2020.

⁹ По аналогии с природными «зомби-пожарами» зомби-кризисы полностью не заканчиваются, но имеют циклическую динамику – от обострения к затуханию и опять к обострению. Разрешения кризиса не происходит, т.е. его причины до конца не определены и неподвластны управлению. Примерами являются глобальные экономические, финансовые кризисы, а также климатические изменения.

одновременно складывается гетерогенная повседневная *копинг-структура*¹⁰, т.е. неформальные жизненные миры как формы культурно-символической, экономической и психологической адаптации к ситуации кризисной жизнедеятельности. В глобальном масштабе неформальные практики кризисной аккомодации могут включать в себя: (а) медиаобсессию (думскроллинг¹¹ и синдром FOMO¹²); (б) саботаж (антиваксеры); (в) гражданский активизм (протесты против ковидных ограничений); (г) эскапизм внешний и внутренний (эмиграция; аддикции и самоубийства); (д) контракт (поддержка эвоакций в обмен на сохранение прежнего образа жизни); (е) антикризисную трайбализацию (социальные сети взаимной поддержки, распространение «юмора висельников»¹³ в условиях угрозы жизни); (ж) адиафоризацию (от греч. «adiaforos» – безразличие, равнодушие, т.е. игнорирование травматических событий, утрата эмпатии к «жертвам» и моральной чувствительности к вопросам жизни и смерти). Для миллионов жителей Земли кризис является формой жизни: беженцы, жители районов боевых действий, массового голода, эпидемий и целые страны (например, Гаити) могут неопределенно долгое время находиться в условиях поддержания «голой жизни» (Дж. Агамбен), что делает физическое и психическое выживание центром инструментального внимания людей и источником их солидарности. Жизнь в условиях кризиса в более благополучных космополитических ареалах рождает противоположный феномен т.н. YOLO-экономики¹⁴, эксплуатирующей тягу (прежде всего, молодежи) к разным формам нового рискованного поведения. Ощущения тревожности и уязвимости, исходящие от непредсказуемого и постоянно угрожающего будущего, заставляет людей бросать надоевшую работу с длительным карьерным ростом ради более увлекательной жизни, инвестировать в высокорисковые активы фондового рынка (феномен «мем-акций»), тратить заработанные деньги на удовольствия здесь и сейчас, не откладывая ничего на потом. Компании, чтобы справиться с массовым оттоком сотрудников и их профессиональным выгоранием¹⁵, вызванным в том числе последствиями «долгого ковида», вынуждены прибегать к экстраординарным мерам, вводя практику длительных творческих отпусков, тем самым легально лимитализуя статус работников.

В этом смысле каскадная интерференция эскалирующих, импульсивных и зомби-кризисов, сложное сочетание хронических и острых проблем XXI в. конституируют темпоральную и пространственную структуру кризисной социальности, которая приобретает самореферентный и самовоспроизводящийся характер. Парадокс в том, что энтропийность этой системы ведет не к ее разрушению, а к непредвиденным и нелинейным метаморфозам самого социального порядка. Деградация или хаотизация одних элементов

¹⁰ Копинг-поведение (от англ. «coping» – преодоление, совладание) – термин психологии для обозначения сознательных стратегий мобилизации действий, направленных на преодоление внешних и внутренних стрессовых ситуаций.

¹¹ Думскроллинг или думсерфинг (от англ. «doom» – злой рок) – практика болезненной заикленности на поиске плохих новостей с целью быть готовым к неблагоприятному развитию событий.

¹² FOMO (от англ. «fear of missing out» – страх упустить) – боязнь пропустить событие, страх остаться в стороне от происходящего, потерять что-то, остаться одиноким, сильный дискомфорт из-за невозможности выйти в Интернет или отсутствия смартфона. Считается защитным состоянием психики, вызванным долгосрочным чувством неудовлетворенности социальной жизнью.

¹³ Юмор висельников (*gallows humor*) представляет собой культурную практику (само)высмеивания людьми ситуаций экзистенциальных угроз в обществе с помощью шуток и анекдотов ради привлечения внимания к ненормальности происходящего.

¹⁴ Акроним «YOLO» (от англ. «you only live once» – ты живешь только раз) приобрел популярность к концу пандемии COVID-19, которая вызвала тенденцию массовых добровольных увольнений среди миллениалов и поколения Z, переоценку ими системы ценностей в связи с потерей ощущения стабильности и нормальности существования (подробнее см.: Bizouati-Kennedy Y. The 'YOLO Economy' – How Millennials are Reimagining Life Post-Pandemic // GOBankingRates. URL: <https://www.gobankingrates.com/money/business/the-yolo-economy-how-millennials-are-reimagining-life-post-pandemic> (дата обращения: 22.05.2023)).

¹⁵ См.: Microsoft 2021 Work Trend Index: Annual Report: The Next Great Disruption Is Hybrid Work – Are We Ready? Microsoft, 2021.

системы усиливает или вызывает к жизни другие, более приспособленные к новым условиям жизнедеятельности. Кризисы происходят столь часто, масштабно и непредсказуемо, что некризисные состояния социальных макроструктур невозможно определить в исторически сравнительной перспективе. Достижение «докризисных показателей» оказывается невозможным, т.к., во-первых, неясно, что считать докризисным периодом, и, во-вторых, следующий новый кризис или очередное обострение зомби-кризиса создает новую реальность. Образуется эффект *Шалтая-Болтая*, разрушающий институциональные каналы обратимости, не давая возможности восстановления первоначальной нормативности.

В результате глобальная кризисная социальность разрушает три предпосылки традиционного понимания кризиса, а именно, что: (а) его всегда можно понять и преодолеть рациональными средствами; (б) кризис всегда заканчивается стабилизацией и новой равновесностью; (в) и при этом всегда побеждают социальные силы, агенты социальных изменений, способные вести человеческое общество к более здоровому и разумному будущему. Возникающая рефлексивная слабость в области антикризисного менеджмента, паралич международных механизмов разрешения кризисов, отсутствие ресурсов и/или легитимности у мировых элит порождает в экспертном и обыденном сознании установку «мы ничего не можем с этим поделать», которую вслед за П. Штомпкой можно назвать «синдромом лилипута» [Sztompka, 1984: 55].

Пандемия COVID-19, террор, революции и войны XXI в. показали, как быстро могут формироваться кризисно-лиминальная политическая и биополитическая реальности. Лиминальность, склонная к статусной и системной экстремальности, вызывает к жизни практики институциональной *чрезвычайности* – введение чрезвычайных ситуаций и положений, – что ведет к организации государства *дискреционного* типа, где преобладают не конвенциональные институты, а лиминальные по характеру *меры*, принимаемые здесь и сейчас и нередко противоречащие конституционным правам. Сфера политического тотализируется, присваивая власть на распоряжение телами и жизнями, и радикализуется волюнтаристским образом, делая возможным и легитимным любое насилие и произвол (*принцип «Безумного Шляпника»*). Гибридные войны ведутся в зоне «нелегитимной легальности» или «нелегальной легитимности» (У. Бек) – либо без объявления войны, либо маскируются действиями, направленными якобы на защиту международного права, демократии, безопасности – и при этом носят перманентный характер (подробнее см.: [Пантин и др., 2018]). Более сотни революций XXI в. насчитывают три волны, чья интенсивность нарастает, охватывая страны как мир-системной периферии, так и мир-системного ядра [Голдстоун и др., 2022]. Позитивный эффект таких революций всегда минимален в сравнении с масштабом разрушительных социальных последствий. В международной борьбе с пандемией Дж. Агамбен увидел схожие кризисно-лиминальные тенденции, подчеркивая, что санитарная чрезвычайщина с массовой вакцинацией и ограничением прав во имя всеобщей безопасности ведет к «великой трансформации» политической сферы, т.к. обретает черты новой формы государственности [Агамбен, 2022: 131]. В итоге концепция прав человека как фундаментальный идеал модернизации оборачивается не обещанием кантианской утопии вечного мира, а источником новых форм принуждения и произвола, сплетающихся в «спираль усложнения насилия» [Кравченко, 2019]. Конструирование социальных явлений в терминах кризисов в информационной сфере может сопровождаться созданием образов народных дьяволов, козлов отпущения и инсценируемых рисков («пугалок») как средства политической мобилизации государства, других правых движений и теорий заговора типа QAnon¹⁶.

¹⁶ QAnon («кью-анон») – теория заговора и социальное движение, родившиеся в США в 2017 г. на волне поддержки Д. Трампа в борьбе с Демократической партией, ставшей для его сторонников олицетворением порочного «глубинного государства» как части тайного всемирного сообщества сатанистов, каннибалов и педофилов.

Истоки кризисной социальности: модерн. Б. Латур прямо указывает, что «когда появляются слова “нововременной”, “модернизация”, “модерн”, то мы определяем прошлое, архаичное и устойчивое по контрасту с ними» [Латур, 2006: 70]. Другими словами, модерн – это эволюция кризисной социальности, вызываемой несущейся в будущее колесницей неуправляемых социальных изменений. Характерный для позднего модерна темпоральный режим, ориентированный на ускорение, обновление и экспансию, неминуемо производит эскалирующую кризисность социального бытия.

Р. Инглхарт и К. Вельцель на основе данных лонгитюда «Всемирный обзор ценностей» выдвинули тезис (закон) о линейной зависимости культурной и политической модернизации от экономического роста и укрепления степени жизненной защищенности населения (индикатором которой является увеличение средней продолжительности жизни) [Инглхарт, Вельцель, 2011: 199–200]. Однако история показывает, что Первая и Вторая мировые войны разгорелись на фоне бурного экономического роста европейских стран и увеличения там продолжительности жизни. В Германии с 1920 по 1940 г. последний показатель вырос более чем на 30% – с 42,77 до 61,58 лет¹⁷. Другими словами, войны и революции могут становиться побочными эффектами модернизации, сдерживая и останавливая ее дальнейший прогресс. Более того, социально-экономическая модернизация, вопреки выводам Инглхарта и Вельцеля, включает в себе опасность формирования режимов, использующих идеи национального единства и превосходства, ксенофобии и агрессии, в том числе военной, для укрепления собственной власти. Как известно, Франция после Великой революции прошла через двухвековой политический кризис, включивший две империи, полуфашистскую диктатуру и четыре республики. Войны и институциональное насилие в целом имплицированы в нее. Вооруженный конфликт на Украине следует рассматривать в этой перспективе как очередное обострение перманентно-лиминального кризиса модернизации России с глобальными последствиями. В прошлом такие исторические моменты включали в себя революцию 1917 г., крах СССР в 1991 г., дефолт 1998 г. По мнению экспертов, нас ждет похожий кризис модернизации в Китае, когда капиталистическое развитие экономического базиса и рост уровня жизни населения войдут в противоречие с политической надстройкой, а вооруженные конфликты по периметру Китая могут стать глобальным вызовом [Закария, 2009: 107–146].

В рамках теории морфогенеза-морфостазиса вторичная модернизация крупных держав в эпоху глобализации несет риски политического и геополитического насилия как эмерджентного механизма морфостатической гиперкомпенсации неукорененных тенденций в сфере экономики, культуры и политики. Как мы указывали, морфостазис проявляет себя как структура и одновременно принцип институционального и нормативного сдерживания сильных морфогенетических изменений в области социально значимых и традиционно сложившихся порядков. Основой такой структурной ригидности является воспроизводство нормативных и ценностных бинарных распределений. В частности, морфогенез полинормативности в рамках гендерной трансмобильности сталкивается с фреймированием реальности на более низком структурном уровне в виде регенерации (морфостазиса) бинарных сексуальных норм «доминирующий мужчина – подчиненная женщина» [Катерный, 2019]. Морфостазис призван воспроизводить распределение реальной и символической власти по традиционному типу в сфере и политики, и биополитики именно с помощью институционального насилия. В период пандемии многие государства проявили себя как биополитические суверены, показав свою власть над народом. Угроза Третьей мировой во время украинского кризиса также показывает, как насилие может быть инструментом геополитического морфостазиса, стремящегося к глобальному бинарно-фундированному балансу сил («Запад – не-Запад»). То же самое касается агрессивной экспансии глобального религиозного фундаментализма, пытающегося противопоставить

¹⁷ O'Neill A. Life Expectancy in Germany, 1875–2020 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1041098/life-expectancy-germany-all-time/> (дата обращения: 12.09.2022).

себя неолиберальному колониализму. Как выразился по этому поводу Ф. Фукуяма, «джи-хадизм – это побочный продукт модернизации и глобализации, а не традиционализма, и потому он останется проблемой для современных обществ, вовлеченных в процесс глобализации» [Фукуяма, 2007: 103].

Кризисные явления, независимо от формы и сферы протекания, в терминах системного анализа представляют собой кардинальные нарушения баланса морфогенетических и морфостатических тенденций. Подчеркну, что преобладание морфостазиса структурных показателей так же неблагоприятно для системы, как неконтролируемое ускорение морфогенеза. В контексте модернизационных изменений первый вариант характерен для сдерживающих модернизацию обществ, второй – для спонтанной модернизации. Оба типа социетального развития имели место в российской истории.

Н.И. Лапин, характеризуя модернизационную историю новейшей России, приходит к выводу, что она прошла несколько этапов, но не достигла цели социетальной трансформации. Проблема в том, что российский реверсивно-гибридный транзит, начавшийся в 1990-е гг., не обрел форму эндогенной модернизации, которая создала бы условия для становления институтов рефлексивного саморазвития и искоренила бы неравенство, деградацию культуры и человека [Лапин, 2021: 210–213]. Начиная с модернизационных шагов Александра II, Россия пытается найти баланс между универсально-модернизационной и цивилизационной моделями развития. Но устойчивого успеха нет до сих пор, что говорит о лиминальности российского общества в последние сто шестьдесят лет. Коммунистическая модернизация, как ответ на катастрофическое крушение западного проекта модерна (Первая мировая война), в итоге обрела кризисные черты за счет отчуждающего эффекта морфостатического гиперусиления (тотальных) структур господства в сферах экономики, политики и идеологии. Й. Арнасон соглашается, что советский период был «режимом кризисного управления на протяжении 74 лет», который не перерос в действительно стабильный порядок [Арнасон, 2011: 24]. Либерально-модернизационный транзит 1990-х гг. с разрушением прежних морфостатических структур ознаменовался кризисным обострением морфогенеза 1998 г. и отставкой президента в 1999 г. В последующие годы мы видим укрепление нового этакического проекта модернизации на основе эмуляции советского опыта структурного и геополитического господства, что ведет к разрастанию системных кризисных явлений с середины 2000-х гг. С точки зрения институционального развития это говорит о гораздо более длительном и во многом незавершенном выходе из модернизационного проекта коммунизма. Становление в России т.н. «гарнизонного государства» (Г. Лассуэлл), где самой могущественной группой выступают специалисты по (разного рода) насилию, показывает, что силовой подход явно ослабляет потенциал культурно-фундированной модернизации. Значит, Россию ждет новый переход к постконфликтному переустройству через столкновение интересов социальных групп и реализации обновленной стратегии саморазвития, успех которой не гарантирован, если не будет найден баланс морфогенетических и морфостатических факторов в рамках культурно аутентичного проекта российской современности.

Заключение. «Длинный» XIX в. начался с кризиса в виде Великой французской революции и закончился кризисом Первой мировой войны. Между этими кризисами мир испытал несколько политических, социальных и индустриальных революций. Социология, родившаяся в это время, стала интеллектуальным проектом, который был призван взлелеять надежду на то, что кризисы – отклонение, и социальный порядок всегда торжествует. Неизбежный дисбаланс морфостатических и морфогенетических элементов модернизации, ориентированной на структурную трансформацию всех подсистем общества, делал все больше исключений из оппозиции «кризис-порядок». В XXI в. мы приходим к пониманию, что общество – не устойчивое и стабильное образование с островками или периодами кризисности, а перманентно переходная (лиминальная) структура, которая никогда не выходит из переходности, образуя режим кризисной социальности. Особенностью этого режима является воспроизводство культурного и структурного лага между инновациями

и нормами, прошлым и будущим, о чем догадался К. Маркс в теории революции. Кризисная социальность модерна характеризуется четырьмя признаками: (а) масштабированием и интерференцией рисков, травм, катастроф, скандалов на макро- и микроуровнях социальной системы; (б) темпоральным и пространственным наложением кризисов друг на друга, устраняющим каналы восстановления докризисной нормативности; (в) ограниченностью институциональных усилий или принципиальной невозможностью справляться с кризисами ввиду их масштабности и сложности; (г) лиминальной природой современных кризисов как трансгрессивных состояний, где порядок и хаос неразличимы, конвенциональные нормы (например, права человека) не соблюдаются, а информационное, финансовое, экономическое, политическое и биополитическое насилие нормализуется.

Можно спорить с американским исследователем Дж. Штайнметцем [2018], что социология всегда была кризисной наукой, но дискурс порядка в социологии действительно смещается в сторону «кризисного анализа». В современном мире, чем сильнее иллюзия стабильности, тем масштабнее предстоящая катастрофа. Кризисная социальность, образующаяся на стыке порядка и катастрофы, провоцирует формирование лиминальных институтов и практик трансгрессивного и чрезвычайного характера, с одной стороны, и лиминальных копинг-миров на уровне повседневности – с другой. Происходит разрастание числа кризисных акторов и десекторизация общества за счет разрушения институциональных границ. Формирование кризисной социальности характеризуется фундаментальным *антропологическим смещением*: в эпоху антропоцена латентные последствия человеческих действий качественно снижают возможности управления и понимания происходящего, поэтому переход к VANI-миру эвристически может быть концептуализирован и как *эпистемологический кризис*. Именно это делает современную социологию востребованной наукой о кризисе. Но такая дискурсивная стратегия заряжает социологическую теорию сильным критическим потенциалом. Слова «кризис» и «критика» происходят от древнегреческого глагола «kρίνω» – «разделять», но также «судить» и «решать». В политическом смысле «кризис» у древних греков это не только «спор» и «раздор». Это и «суд», и «вердикт». Именно в этом смысле кризис для социологии призван стать источником новой критической теории, апологией морали и права в поиске и обосновании новых типов солидарностей в противовес разделению и гнету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022.
- Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
- Блохин А.А. Новые и возвращающиеся трансграничные инфекции в жизни человека // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 9–26. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-9-26.
- Голдстоун Д.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Волны революций XXI столетия // ПОЛИС. Политические исследования. 2022. № 4. С. 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: АСТ, 2018.
- Закария Ф. Постамериканский мир / Пер. с англ. М.: Европа, 2009.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения: Аналитический доклад. М.: ВШЭ, 2023.
- Катерный И.В. Реконцептуализация статусной лиминальности в социологической теории // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 226–238. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-2-226-238.
- Катерный И.В. Гендерно-сексуальная трансмобильность как проблема нормативного порядка в постгуманизированном мире // Вестник Томского госун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 112–127. DOI: 10.17223/1998863X/48/11.
- Коленикова Н.Д. Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 154–156. DOI: 10.31857/S013216250022957-5.
- Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избр. тр. М.: Экономика, 2002.
- Кравченко С.А. Спираль усложнения насилия: востребованность гуманистической политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2019. № 5. С. 43–55. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.04.

- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУ в СПб., 2006.
- Пантин В.И., Малков С.Ю., Гринин Л.Е. Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ. М.: Учитель, 2018.
- Ротбард М. Экономическая депрессия: причины и методы лечения // Бум, крах и будущее: Анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2002. С. 150–171.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
- Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, Хранитель, 2007.
- Штайнметц Д. Кризис истории и история кризиса: историческая социология как «кризисная наука» // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 140–143. DOI: 10.31857/S013216250002166-5.
- Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I. Dynamics of Global Crisis. N. Y.: Monthly Review Press, 1982.
- Campbell T., Hribernik M. A Dangerous New Era of Civil Unrest is Dawning in the United States and Around the World // Verisk Perspectives. An ISO emerging issues report, 2020. URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/a-dangerous-new-era-of-civil-unrest-is-dawning-in-the-united-states-and-around-the-world/> (дата обращения: 29.08.2022).
- Dennis B. COVID-19's Long Tail: Why We May be Living With the Effects of the Disease for Years to Come // Verisk. 2021. URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/covid-19s-long-tail-why-we-may-be-living-with-the-effects-of-the-disease-for-years-to-come/> (дата обращения: 07.08.2022).
- Dobry M. Sociologie des crises politiques. La dynamique des mobilisations multisectorielles. Paris: FNSP, 1985.
- Dynes R., Quarantelli E. L. Organizational Communications and Decision-Making in Crises. Report series No.17. Newark: University of Delaware Disaster Research Center, 1977.
- Eisenstadt S.N. Comparative Liminality: Liminality and Dynamics of Civilization // Religion. 1985. Vol. 15(3). P. 315–338.
- Fassin D., Honneth A. (eds) Crisis under Critique. How People Assess, Transform and Respond to Critical Situations. N. Y.: Columbia University Press, 2022.
- Global Discourse: Special Issue: Critical Explorations of Crisis: Politics, Precariousness, and Potentialities / Guest ed. by H. Rydstrom, M. Hamza, T. Gammeltoft-Hansen, V. Berggren. 2022. Vol. 12 (3–4).
- Global Impact of War in Ukraine: Energy Crisis. Brief No.3. UN: UN Global crisis response group on food, energy and finance, 2022.
- Holton R. The Idea of Crisis in Modern Society // British Journal of Sociology. 1987. Vol. 38. No. 4: 502–520.
- IPCC, 2021: Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Szakolczai A. Reflexive Historical Sociology. N. Y.: Routledge, 1998.
- Sztompka P. The Global Crisis and the Reflexiveness of the Social System // International Journal of Comparative Sociology. 1984. Vol. XXV. No. 1–2: 45–58.
- Walby S. Crisis. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2015.

Статья поступила: 08.06.23. Финальная версия: 01.09.23. Принята к публикации: 20.09.23.

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF CRISIS IN SOCIOLOGY: EVOLVING IDEAS AND MODERNITY

KATERNYI I.V.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

---

Ilya V. KATERNYI, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology, MGIMO-University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (yarkus@mail.ru).

Abstract. The paper explores the question of what crisis is from the perspective of classical and modern sociology laying out a framework for developing the concept of crisis sociality based on the theories of liminality and the morphogenetic approach. Three stages of evolution are identified in theorizing the social ontology of crisis as disruptive events and processes on macro and meso-scale. Based on expert opinions, the paper argues for a specific pattern of current global development in the form of an intercrisis structure of a permanent-liminal type. According to the model, core and peripheral crisis phenomena are singled out as well as transgressive characteristics of institutional liminality and types of coping-behavior strategies are analyzed. Crisis traits of a BANI-world and the YOLO-economy are discussed among other things. The historical foundation for current crisis sociality is seen to be the very nature of modernization process, as the intrinsic imbalance of morphogenetic and morphostatic elements of such development inevitably brings on crisis dynamics and the following liminalization of society.

Keywords: crisis, coping, BANI world, YOLO economy, modernization, liminality, morphogenesis, morphostasis.

REFERENCES

- Agamben G. *A che punto siamo? L'epidemia come politica.* (2020) Moscow: Nookratiya. (In Russ.)
- Amin S., Arrighi G., Frank A.G., Wallerstein I. (1982) *Dynamics of Global Crisis.* New York: Monthly Review Press.
- Arnason J. (2011) Communism and modernity. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No.1: 10–35. (In Russ.)
- Blokhin A.A. (2020) Emergent and recurrent transboundary infection diseases in human life. *Puti k miru i bezopasnosti* [Path to Peace and Security]. No. 2 (59): 9–26. (In Russ.)
- Campbell T., Hribernik M. (2020) A dangerous new era of civil unrest is dawning in the United States and around the world. *Verisk Perspectives. An ISO emerging issues report.* URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/a-dangerous-new-era-of-civil-unrest-is-dawning-in-the-united-states-and-around-the-world/> (accessed 29.08.2022).
- Dennis B. (2021) COVID-19's long tail: Why we may be living with the effects of the disease for years to come. *Verisk.* URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/covid-19s-long-tail-why-we-may-be-living-with-the-effects-of-the-disease-for-years-to-come/> (accessed 07.08.2022).
- Dobry M. (1985) *Sociologie des crises politiques. La dynamique des mobilisations multisectorielles.* Paris: Presses de la FNSP.
- Durkheim E. (2018 (1897)) *Le Suicide: Étude de sociologie.* Moscow: AST. (In Russ.)
- Dynes R., Quarantelli E.L. (1977) *Organizational Communications and Decision-Making in Crises.* Report series No.17. Newark: University of Delaware Disaster Research Center.
- Eisenstadt S.N. (1985) Comparative liminality: liminality and dynamics of civilization. *Religion.* Vol. 15 (3): 315–338.
- Fassin D., Honneth A. (eds) (2022) *Crisis under Critique. How People Assess, Transform and Respond to Critical Situations.* New York: Columbia University Press.
- Fukuyama F. (2007) *America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy.* Moscow: AST, Xranitel. (In Russ.)
- Global Discourse: Special Issue: Critical Explorations of Crisis: Politics, Precariousness, and Potentialities.* (2022) Guest ed. by H. Rydstrom, M. Hamza, T. Gammeltoft-Hansen, V. Berggren. Vol. 12 (3–4).
- Global Impact of War in Ukraine: Energy Crisis. Brief No. 3.* (2022) UN: UN Global crisis response group on food, energy and finance.

- Goldstone J.A., Grinin L.E., Korotayev A.V. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 4: 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09. (In Russ.)
- Guterres A. (2020) Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020. *UN Secretary-General's Speeches*. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (accessed 17.03. 2020).
- Holton R. (1987) The idea of crisis in modern society. *British Journal of Sociology*. Vol. 38. No. 4: 502–520.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- IPCC, 2021: *Climate Change 2021: The Physical Science Basis*. (2021) Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai et al. Cambridge: Cambridge University Press.
- Katernyi I.V. (2019) Gender-sexual transmobility as a normative challenge in a posthuman world. *Vestnik Tomskogo gosun-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 48: 112–127. DOI: 10.17223/1998863X/48/11. (In Russ.)
- Katernyi I.V. Reconceptualization of status liminality in the sociological theory (2020). *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 20. No. 2: 226–238. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-226-238. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. (2023) Russian society in the period of global turbulence: key challenges and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 154–156. DOI: 10.31857/S013216250022957-5. (In Russ.)
- Kondratieff N.D. (2002) *Large Cycles of Conjuncture and the Theory of Foreseeing*. Selected Works. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2019) Spiral of the complication of violence: a demand for a humanistic policy. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 43–55. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.04. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The Complexity of a New Russia Formation. Anthroposociocultural Approach*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Latour B. (2006) *Nous n'avons jamais ete modernes. Essai d'anthropologie symetrique*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Pantin V.I., Malkov S.Yu., Grinin L.E. (2018) *The Main Threats and Risks to Russia Under the Transition to a New world Order and How to Diminish Them: Strategic analysis*. Moscow: Uchitel. (In Russ.)
- Radaev V.V. (ed) (2023) *How Russians Cope with a New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population: Analytical Report*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Rothbard M.N. (2002 (1969)) Economic depressions: their cause and cure. *Boom, Crash and the Future: An Analysis of the Austrian School*. Chelyabinsk: Socium: 150–171. (In Russ.)
- Sorokin P. (2006 (1937–1941)) *Social and Cultural Dynamics*. Moscow: Astrel. (In Russ.)
- Steinmetz G. (2018) The crisis of history and the history of crisis: sociology as a 'crisis science'. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.10: 140–143. DOI: 10.31857/S013216250002166-5. (In Russ.)
- Szakolczai A. (1998) *Reflexive Historical Sociology*. New York: Routledge.
- Sztompka P. (1984). The global crisis and the reflexiveness of the social system. *International Journal of Comparative sociology*. Vol. XXV. No. 1–2: 45–58.
- Turner V. (1983) Symbol and the Ritual. Collection of works. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- United Nations Environment Programme and International Livestock Research Institute. (2020) *Preventing the Next Pandemic – Zoonotic Diseases and How to Break the Chain of Transmission*. Nairobi, Kenya.
- Walby S. (2015) *Crisis*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Zakaria F. (2009) *The Post-American World*. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Received: 08.06.23. Final version: 01.09.23. Accepted: 20.09.23.